

Хэ Дачжуан, разозлившись, продолжал смотреть на него:

— Ты что, ослеп и не видел, что мы только что соревновались? Разве в соревнованиях нельзя допускать физического контакта? Или мы должны просто ругаться и плевать друг в друга? Ты можешь перестать быть таким ребёнком?

Цзинь Жуй пристально смотрел на него, в его глазах горел гнев.

Хэ Дачжуану было всё равно, он начал вырываться.

Однако Цзинь Жуй не отпускал его и вдруг прикусил губу Хэ Дачжуана.

Тот застонал от боли.

К счастью, Цзинь Жуй контролировал силу и не укусил слишком сильно.

Но этот поступок окончательно разозлил Хэ Дачжуана. Чёрт возьми, зачем кусать именно губу? Это что, специально, чтобы все видели?

Он тут же пнул Цзинь Жуя ногой.

Цзинь Жуй отпустил его и уклонился, а Хэ Дачжуан воспользовался моментом, чтобы сбежать.

Цзинь Жуй схватил его за руку и снова прижал к стене, тихо сказав:

— Не оставил следов.

Хэ Дачжуан, который уже начал вырываться, вдруг ослаб, но всё ещё смотрел на Цзинь Жуя с недовольством:

— Чего ты вообще хочешь?

Цзинь Жуй смотрел на его лицо, явно недовольный:

— Он тебя трогал.

Хэ Дачжуан закатил глаза, даже злиться уже не хотелось.

— Тогда иди и отруби ему руку, зачем ты на меня злишься? Он меня трогал, ты думаешь, я этого хотел? Мне самому противно!

Услышав это, Цзинь Жуй явно повеселел:

— Тебе противен он?

Хэ Дачжуану сейчас только хотелось поскорее избавиться от этого сумасшедшего, поэтому он кивнул:

— Да, противен!

И действительно, Цзинь Жуй немного ослабил хватку.

Затем он сказал:

— Тогданими одежду и помойся.

Хэ Дачжуан терпеливо ответил:

— Сейчас не могу, вечером помоюсь, ладно? Если совсем не вмоготу, можно позже протереть влажными салфетками? Ты подумай, если кто-то войдёт и увидит, что я моюсь, они подумают, что я больной.

Цзинь Жуй нахмурился, явно недовольный.

Хэ Дачжуан продолжил:

— Вечером помоюсь, обещаю, три раза. Ладно?

Цзинь Жуй всё ещё хмурился, но в его глазах появилась некоторая мягкость.

Хэ Дачжуан продолжил уговаривать, добавляя ещё и плохие слова о Лун Сяосюне, и только тогда Цзинь Жуй наконец кивнул.

Хэ Дачжуан облегчённо вздохнул, но не успел опомниться, как Цзинь Жуй внезапно поцеловал его.

Едва успокоив этого человека, Хэ Дачжуан не посмел перечить. Хотя он боялся, что кто-то может зайти и увидеть, он всё же позволил ему целовать себя, даже отвечая на поцелуй.

Чем быстрее это закончится, тем быстрее он сможет уйти и избавиться от всего этого.

Когда Цзинь Жуй успокаивался, он становился удивительно сговорчивым.

Он обнял Хэ Дачжуана и поцеловал его вдоволь.

Хэ Дачжуан поспешно сказал:

— Ладно, пойдём отсюда.

Цзинь Жуй не двигался, продолжая тереться о Хэ Дачжуана, тихо сказав:

— Сяочжуан, я давно тебя не брал, мне так плохо.

Уши Хэ Дачжуана моментально покраснели. Этот извращенец, как он может говорить такое на улице? И перестань тереться, это так неловко.

Но Цзинь Жуй слишком хорошо знал его тело, даже его дыхание могло вызвать у него желание.

Тем более что этот человек без стыда продолжал дразнить его, и он просто не мог выдержать.

Он тут же оттолкнул его и посмотрел на него:

— Не балуйся.

Цзинь Жуй недовольно снова подошёл и поцеловал его в губы:

— Я не балусь, я говорю правду. Скажи, сколько времени мы не делали этого? Ты что, не скучал по мне?

«Мы на военной подготовке», — разозлённо прошипел Хэ Дачжуан.

Цзинь Жуй смотрел на него с наглым выражением:

— Я знаю, поэтому ты должен компенсировать мне это, когда вернёшься.

Хэ Дачжуану действительно казалось, что Цзинь Жуй доходит до предела бесстыдства. Он не стал смотреть на него, отвернулся и сказал:

— Как ты хочешь компенсировать?

Всё равно дома он не сможет избежать этого, зачем тут притворяться.

Услышав это, глаза Цзинь Жуй мгновенно загорелись, он обнял Хэ Дачжуана за талию и сказал:

— Мы ещё не делали этого в бассейне.

Услышав это, лицо Хэ Дачжуана моментально покраснело.

Бассейн у дома Цзиней был открытым, разве этот человек не мог быть таким извращенцем?

Цзинь Жуй, пока Хэ Дачжуан не успел отказаться, тут же сказал:

— Не волнуйся, я всех прогоню, гарантирую, что будем только мы вдвоём, ладно?

Хэ Дачжуан стиснул зубы, не соглашаясь.

Цзинь Жуй не торопился, подошёл и начал облизывать мочку уха Хэ Дачжуана, тихо называя его имя:

— Сяочжуан, Сяочжуан...

Хэ Дачжуан был так измучен, что начал дрожать. Он боялся, что если это продолжится, может случиться что-то опасное, поэтому поспешно кивнул.

Цзинь Жуй обрадовался, обнял Хэ Дачжуана и несколько раз поцеловал его в губы.

— Как же я хочу, чтобы военная подготовка поскорее закончилась.

Хэ Дачжуан бросил на него взгляд, оттолкнул его и пошёл наружу.

Цзинь Жуй смотрел на его спину, уголки его губ поднялись в улыбке.

Лун Сяосюн, если ты посмеешь зариться на моего человека, приготовься к последствиям.

А в это время Лун Сяосюн, который всё ещё делал отжимания, был рассеян и выполнял упражнения механически.

Как только он вспомнил, что только что почувствовал влечение к Хэ Дачжуану, по его спине пробежал холодок.

Он что, заболел? С ума сошёл? Неправильное лекарство принял? В голове каша? Ослеп? Как он мог почувствовать влечение к Хэ Дачжуану?

Он точно знал, что ему нравятся женщины, белые и нежные девушки. А не такие грубые мужики, как Хэ Дачжуан.

Он потерял невинность в четырнадцать лет и с тех пор был окружён женщинами. Хотя он не был развратником, но за все эти годы он был только с женщинами, у которых есть грудь, а не с мужчинами.

Он точно знал, что он абсолютно прямой и никогда не сможет полюбить мужчину.

Он даже в глубине души презирал геев. Поэтому, если кто-то из геев его раздражал, даже по мелочи, он избивал их.

Поэтому он всегда презирал Хэ Дачжуана. Не только он ненавидел геев, но особенно таких, как Хэ Дачжуан, который продавал своё тело ради выгоды, вызывал у него ещё большее презрение.

Он даже презирал Цзинь Жуя. Зачем ему нравится мужчины, когда есть женщины, разве это не противно?

Он также знал, что раньше Цзинь Жуй любил женщин, а теперь так привязался к мужчине и разорвал все свои связи с женщинами. Это просто безумие.

Но сейчас именно этот человек, которого он презирал, вызвал у него влечение.

Это точно произошло потому, что он давно не удовлетворял свои потребности, и любое прикосновение к коже могло вызвать желание. Это всё из-за воздержания, и точно не из-за него.

Он нормальный мужчина, и точно не гей, который любит мужчин. Нет! Ни за что!

Две недели — это не слишком долго, но и не слишком коротко. Каждый день был наполнен событиями, но в то же время казалось, что военная подготовка подошла к концу.

Завтра утром школа прийдёт автобус, чтобы забрать их, и этот адский тренинг закончится.

Казалось бы, это радостное событие, но в сердцах всех было немного грустно.

Сегодняшний тренинг был таким же, как всегда: утром строевая подготовка, а днём упражнения по захватам. Но все знали, что это последний день, и многие старались больше, чем обычно.

Ужин был гораздо лучше, но всё же никто не брал лишнего. За эти десять с лишним дней они привыкли к правилу «бери столько, сколько сможешь съесть». Они знали, что еда достаётся нелегко, и её нельзя тратить впустую.

Каждое зёрнышко риса, каждый кусочек овощей и мяса были заработаны тяжёлым трудом, а не упали с неба.

Как говорил Ван Бинь, каждый день в мире люди умирают от голода, и те, кто может выжить, — это счастливчики.

Сколько людей живут впроголодь, а они могут есть так хорошо, и при этом тратить еду — это огромный грех.

Хотя слова Ван Биня были преувеличены, они не могли отрицать, что он говорил правду.

Они видели репортажи о бедных горных районах и знали, как ценна там каждая крошка еды.

В мире слишком много людей, которые не могут позволить себе еду. Они могут есть досыта и хорошо — это уже милость небес. А если они будут тратить еду так беспечно, это будет настоящим грехом.

В тех местах, где люди не могут есть и пить, их расточительство могло бы спасти множество жизней.

<http://bllate.org/book/16150/1447492>